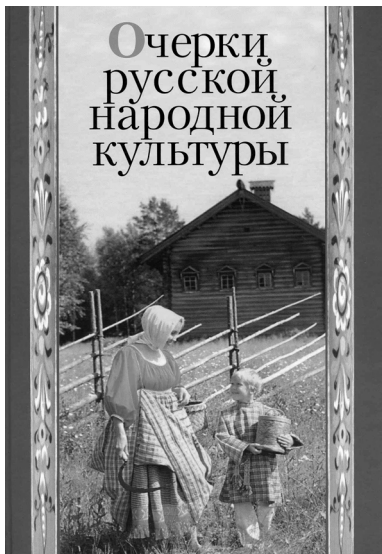

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2010 г., № 2

© Л.Б. Заседателева. Рец. на: *Очерки русской народной культуры* / Отв. ред. И.В. Власова. М.: Наука, 2009. 787 с., ил.

Очередная коллективная монография “Очерки русской народной культуры” создана специалистами по этнографии русских – сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН. Книга посвящена историко-культурному развитию русского народа и представляет собой обобщение материалов по культуре, традиционным социальным нормам и народному сознанию. Несколько лет назад был издан написанный в основном этими авторами фундаментальный том “Русские” (сер. “Народы и культуры”. М.: Наука, 1997, 1999, 2001, 2004 гг.). По сравнению с томом в “Очерках” дается углубленное рассмотрение ряда вопросов этнокультурного развития русских. В некоторых очерках народная культура представлена в динамике, начиная с ранних периодов истории народа и кончая ее современным состоянием. Принцип регионально-локального изложения материалов, обоснованно выбранный авторами, позволил им детально осветить многие процессы и явления.

В книге впервые использованы данные, собранные в ходе экспедиций последних лет. Привлечены также ранее не публиковавшиеся архивные материалы, позволяющие по-новому рассмотреть и интерпретировать ряд аспектов истории и этнографии русских. По сравнению со многими предыдущими аналогичными изданиями в настоящем исследовании уделено большее внимание духовной культуре, в том числе религиозным верованиям и обрядам, праздничной культуре, эволюции народного мировоззрения. Отличительная черта “Очерков” состоит в том, что они не только дают ценный фактический материал, но и позволяют авторам, проявившим свою исследовательскую индивидуальность, сохранить тематическую и концептуальную целостность книги.

Авторы “Очерков” подчеркнули, что народная культура – не застывший феномен, а явление, имеющее свои хронологические этапы, отличающееся особенностями у различных слоев населения, разное у русских многих регионов. Это хорошо прослежено как в разделах о культуре жизнеобеспечения и в части описания общественного быта (второй раздел книги), так и в очерках по праздничной культуре, народным знаниям и православной религии (третий раздел). Везде поднимаются важные вопросы народного самосознания и нравственного облика человека.

В монографии удалось по-новому осветить ряд поставленных вопросов историко-культурного развития русских и их сознания. Авторы различают несколько видов народного сознания (этническое, крестьянское, религиозное, правовое, семейно-родственное, коллективно-общинное и т.д.) и доказывают, что каждый из этих видов состоит из множества компонентов (Введение, с. 4–5). Выявление и изучение этих компонентов создает целостную картину народного мировоззрения (очерки И.В. Власовой, С.С. Крюковой, В.А. Липинской, Т.И. Дроновой и почти все очерки третьего раздела книги).

Этнографическое изучение проблемы народного сознания ограничивается в монографии выявлением разных его видов, отраженных в формах культуры. Несмотря на это, как продемонстрировали авторы, значение этнографии в этом познании нельзя умалять, ибо с ее помощью можно ответить на существенные вопросы, касающиеся роли и места любо-

Лидия Борисовна Заседателева – доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

го народа (населения) в общем культурном процессе. Необходимость и важность изучения культуры для понимания ее мировоззренческих аспектов особенно подчеркнута авторами, поскольку культура отражает “духовное состояние этноса”, она есть тот “образ мира, каким его представляет данный народ” в ту или иную историческую эпоху. На любом сотворенном людьми предмете и на любых жизненных действиях “лежит печать этноса”, так как через эти предметы и действия выражено стремление к познанию и себя, и окружающего мира (с. 114–115).

В монографии не просто отражена культурная ситуация в русских регионах, но и обращено внимание на факторы, влиявшие на становление и развитие народной культуры. Это и постоянно действующие в русской истории передвижения населения при освоении новых территорий, этапность которых отражалась в судьбах народа; и межэтнические контакты, оставляющие отпечаток и на самом русском этносе, и на его культуре; и адаптация русских в новых природно-климатических условиях и новом человеческом окружении, способствовавшие выработке регионально-локальных вариантов культуры, тем не менее сохранявших общерусские черты.

Авторы подчеркнули крестьянский характер традиционной культуры народа, повлиявшей на формирование культурного склада других сословий и на развитие профессиональной общероссийской культуры. Вопросы развития и судеб крестьянской культуры подняты в очерке И.В. Власовой “Народное сознание и культура севернорусского населения”. В нем показано, что проявления крестьянского сознания, явственно улавливаемые в духовной культуре, можно найти и в материальных ее формах при рассмотрении сельских поселений, народного жилища, костюма, хозяйственных занятий, так как вся человеческая деятельность, отраженная в этих формах, имеет мировоззренческую и психологическую окраску и помогает реконструировать картину мира носителей народных традиций. Хотя очерк построен на материалах по Русскому Северу, внимание автора обращено и на культурные явления, свойственные народу в целом.

Понимание авторами сущности и судеб крестьянской культуры способствует развенчанию существовавших многие десятилетия ложных концепций относительно крестьянства. Одна из них – взгляд на это сословие как на невежественную и забытую силу в сочетании с трактовкой крепкого крестьянина-кулака. Исследованиями по русской этнографии, в том числе и авторов “Очерков”, показано, какой гибкостью, точностью отличалась хозяйственная практика русских крестьян, какого высокого уровня достигло их правовое сознание в вопросах землепользования, и наконец, какую богатейшую культуру земледельческого народа они создали и передали в наследство последующим поколениям, а вместе с ней – и нравственное отношение к земле, к природе, к человеку. Во всем этом отразилось крестьянское мировоззрение и мировосприятие и своеобразие крестьянской по характеру народной культуры.

В тесной связи с изучением этой культуры стоит рассмотрение социального опыта русской деревни, что и было предпринято в отдельных разделах книги. Состояние источников позволило изучать его в региональных вариантах (европейском и сибирском), а вместе с таким опытом – и социально-нормативные представления крестьян (очерки В.А. Липинской о лесопользовании и правосознании сибирских крестьян и С.С. Крюковой о межевых границах при пользовании усадебной землей в центральных российских регионах). Необходимость изучения проблем лесопользования объясняется сокращением российских лесных богатств. Опыт крестьянского лесопользования и формирования правовых норм в этой сфере может быть полезен, как утверждает автор, для современного осознания необходимости сохранения лесов.

В очерке С.С. Крюковой представлена крестьянская усадьба второй половины XIX в. и ее границы с точки зрения культурно-правового аспекта. Понятие границы, как отмечает автор, является центральным в правовой культуре и законодательстве. И официальное, и обычное право всегда регулировали правовое пространство людей. Соционормативные представления характеризуются как конкретная культура социума и исследуются посредством метода исторической этнографии – детальной воспроизведения правовой повседневности в русской деревне.

В современной деревне очень актуальны проблемы поземельных отношений, выбора форм собственности, организации сельскохозяйственного труда, обеспечения нормальных условий жизни. В такие поворотные периоды очень важно сделать выбор, который не противоречил бы исторически проверенной практике, народным традициям и опыту. Для этого и было необходимо обращение в “Очерках” к историко-этнографическому материалу, отражающему устойчивые явления русской деревни, жизнеспособность которых проверена длительными сроками. Значи-

тельная часть социального опыта русской деревни принадлежит к непреходящим культурным ценностям человечества, может и должна быть использована сегодня.

Крестьянская этнография была не единственной в поле зрения авторов монографии. Изучению этнографии города посвящен очерк О.Р. Будины, подчеркнувшей особенности русского города, городского населения и городской культуры. Показав степень изученности городской этнографии, ей удалось обратить внимание на важность подобных исследований, способствующих уяснению механизма культурной преемственности, роли культуры в развитии общества. Замечательно, что в книге помещен очерк О.Р. Будины, поскольку она недавно ушла из жизни. Эта ее последняя работа – и память о ней и благодарность за ее труд.

К городской этнографии в какой-то степени примыкают очерк о современном свадебном обряде (Д.В. Громов) и о современном интерьере жилища (Н.В. Шляхтина), в которых присутствует материал по городу.

Особого внимания заслуживает третий раздел книги “Празднично-обрядовая культура. Религиозное сознание. Фольклор”. В очерках этого раздела наряду с этнографическими данными широко использован фольклорный материал. На нем построен очерк Н.Н. Велецкой о театре, разыгрывавшем народные драмы в святочный период русского календаря. Значительный фольклорный материал присутствует в главах по русским календарным праздникам и обрядам – во время Масленицы (Т.С. Макашина) и в Средокрестие (Л.А. Тульцева), в очерке по особенностям календарных праздников (А.В. Фролова), а также в разделе по игровой культуре (И.А. Морозов, И.С. Слепцова). Очерк Т.С. Макашиной также имеет источниковедческое и историографическое значение. В нем дается характеристика богатого архива исследователя народной жизни Переславль-Залесского края С.Е. Елховского и, что важно, этот материал вводится в научный оборот.

Следующей за масленичным периодом в русском календаре известной дате – Средокрестию – посвящен очерк Л.А. Тульцевой. Автор отметила функциональную значимость этого дня как межи в ряду аграрно-православных вех. В картине весеннего возрождения природы он был своеобразным указателем при подготовке к сельскохозяйственным работам. Автор раскрывает суть средокрестных обычаев во множестве вариантов, используя свой обширный экспедиционный материал по Верхне-Волжскому региону (Ярославско-Костромскому пограничью) и Рязанскому Поочью. Самое важное в этом очерке – судьба традиционного мировоззрения на протяжении исторических эпох и его современное состояние.

Очерк А.В. Фроловой посвящен рассмотрению особенностей русских календарных праздников на материалах по Архангельскому Поморью – в районах Пинеги и Мезени. По свидетельству автора, поражает живучесть традиционной праздничной культуры и в наши дни, несмотря на то, что изменение ее содержания началось еще в XIX в. и особенно было ощутимо после периода коллективизации в 1930-х годах.

В двух очерках И.А. Морозова и И.С. Слепцовой найдено освещение игровая культура русских, которая ранее в обобщающих трудах или не рассматривалась, или занимала незначительное место. В последнее время этим вопросам начали уделять должное внимание. Игры и взрослых, и детей занимали особое место в празднично-обрядовом культурном комплексе. Значимость игры в жизни общества, как акцентируют авторы, состоит в выполнении ею различных функций, и самые важные из них – это роли воспитания, коммуникации и социализации.

Наряду с календарными обрядами в монографии рассматриваются и некоторые обряды жизненного цикла – свадебные (Д.В. Громов) и поминальные (А.В. Черных), в которых путем привлечения яркого материала отражено современное состояние такой обрядности в русских регионах.

В блоке по праздникам и обрядам (очерки 11–15, 22, 23) авторы отразили соединение практического опыта и религиозных воззрений, народных верований и моральных норм в этих видах культуры. Кроме того, подчеркивается, что они сохранили за собой сегодня в основном игровую функцию.

Важность предпринятого авторами исследования состоит и в том, что, показывая развитие народной культуры русских, они доказали: многие этноопределяющие признаки этой культуры, подчас несмотря на изменения во времени, сохранились до наших дней, ибо они обусловлены этнической историей и не утратили своей ценностноопределяющей роли, особенно когда решается вопрос о самосознании народа и его миропонимании, о консолидационных процессах в его среде. Культура как консолидирующее явление – еще одна важная проблема, поднятая в книге. Такую роль культуры удастся показать путем выведения соотношения общерусского,

регионального, локального в этнокультурном развитии отдельных земель, краев, областей в разные исторические эпохи вплоть до настоящего времени. Одним из факторов, обусловивших консолидацию народа, стало православие. Рассмотрению проявлений православного вероисповедания в жизни русских посвящена значительная часть очерков. Очерк С.И. Дмитриевой посвящен религиозному значению севернорусской культуры. Автор специально подчеркивает религиозную окраску крестьянского искусства (православные нормы и различные магические практики), произведения которого несли апотропейную функцию и сохранили этноопределяющую роль ценного источника для изучения этнокультурной истории разных эпох.

Разговор о религиозном значении народной культуры продолжен в очерке Т.А. Листовой, рассмотревшей ее православную атрибутику. Предметы этой атрибутики, сохраняя канонические свойства, наделялись народным воображением дополнительными функциями и семантическим значением, а поэтому расширялась их обрядово-магическая функция. Автор отрицает мнение об отнесении таких особенностей религиозности к области суеверий и считает, что основой сакрального значения этих предметов является каноническое христианское вероучение.

В очерке Н.В. Шляхтиной рассматривается проблема формирования и развития религиозного сознания и его проявления в оформлении жилого пространства верующих. На материалах по ряду центральных районов и столичных городов автору удалось показать обычаи православного освещения домов посредством святых. Выраженная во множестве вариантов, такая традиция позволяет судить о религиозности людей.

В книге наглядно проиллюстрировано, что православная вера наложила глубокий отпечаток на все стороны народной жизнедеятельности и определила систему взаимоотношений человек – природа – среда, отношений людей к себе и между собой, к своему отечеству и т.д. Наряду с православием не обойдены вниманием и народные верования русских (мифологические представления, магическая практика), что нашло отражение в главах В.И. Дыкина и И.М. Денисовой. Изучение подобных верований, по мнению авторов, может быть подчинено решению более глобальных задач о происхождении религиозных представлений, их развитии и трансформации.

К проблеме веры примыкают и вопросы самосознания, касающиеся не только общерусского и регионально-локального сознания, но и сознания в российском обществе, исторических знаний и памяти народа. Эти проблемы разработаны в первом разделе монографии, предваряющем рассмотрение культуры. Так, в очерке А.В. Буганова, построенном на историческом и фольклорном материале, убедительно доказано, что историческая память русских составляет основу их культурной традиции и самосознания. Русский фольклор о “белом царе”, представленный в очерке В.В. Трепавлова, помогает вскрыть основы политической культуры Российского государства и формирования общественного сознания. Эта же проблема рассматривается и в очерке П.С. Куприянова, но на другом источнике – материалах русских заграничных путешественников. В нем вскрыто развитие этнического сознания в российском образованном обществе, зарождение и становление историко-этнических концепций во всей Европе, оформление идеи самобытности народов.

Этот раздел завершает очерк С.С. Савоскула о современном состоянии идентичности русских Центральной России. В нем показана обусловленность самосознания населения всем ходом исторического развития не только региона, но и страны в целом, четко выявлены уровни этого сознания от локального до регионального и общерусского. Разработки этого раздела могут способствовать освещению актуальных вопросов современности, связанных с развитием русской идентичности и решением остро стоящего в ряду сегодняшних проблем “русского вопроса”.

Любое, даже совершенное, исследование имеет какие-либо недочеты. В качестве пожеланий авторам рецензируемой книги хотелось бы отметить следующее. В “Очерках” в основном рассматривается крестьянская этнография, что отмечают и сами авторы, а проблемы города занимают незначительное место (очерки 9, частично 10, 16, 19). В целом город остается вне поля зрения. Между тем этнографические материалы как по прошлым эпохам, так и современные (и особенно полевые) необходимо привлекать при разработке проблем историко-культурного развития русских. Что касается современности, главным образом мало изученных периодов второй половины XX – начала XXI в., то более широкое привлечение разнообразных источников этого времени помогло бы создать разработки, аналогичные по научной значимости рецензируемым.

Не мешает в подобных трудах присутствие глоссария регионализмов, указателей географических либо предметных и т.п., что расширяет дополнительные возможности монографий и использование их разработок.

В целом в книге освещаются мало разработанные в науке вопросы культурного развития русских и современной этнокультурной ситуации. “Очерки” имеют выход на решение глобальных проблем благодаря углубленному и конкретному рассмотрению отдельных форм народной культуры. Настоящее исследование – несомненная удача авторского коллектива, сопричастного нашей истории, сумевшего осознать и удаленное от реалий сегодняшнего дня прошлое и обратиться к современности с ее проблемами. Общественная значимость подобных исследований очевидна, так как наблюдается рост интереса широких слоев населения к истории и культуре своего народа. Настоящая книга отвечает на такой запрос, поскольку в ней присутствует поиск исторических и культурных ориентиров, необходимых для развития страны в целом, стоящей на пути обретения национальной идеи. Кроме того, книга продемонстрировала значение этнографической науки в процессе изучения проблем культурного наследия народа. Выявляя отражение его сознания в этом культурном наследии, авторы показывают возможности для подхода к решениям существенных вопросов, касающихся современной этнокультурной ситуации, идентичности народа и многих общественно-политических проблем.

ЭО, 2010 г., № 2

© С.Н. Абашин. Рец. на: *Антропология академической жизни: адаптивные процессы и адаптивные стратегии* / Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008. 300 с.

Я всегда испытываю сложные чувства, когда начинаю писать рецензию на коллективный сборник, в котором собраны статьи разных авторов. Как в кратком обзоре рассказать о 10–20 самостоятельных, пусть и небольших, исследованиях? Как подчеркнуть их общие черты, несмотря на порой очень разные интересы и авторские стили? Как найти общую тему, общую проблему, позволяющую взглянуть на сборник как на нечто целостное?

В рецензируемом сборнике ответы на эти вопросы даны во вводной статье инициатора книги и ее ответственного редактора Г.А. Комаровой “Антропология академической жизни в постсоветском контексте”, из которой мы узнаем, что в основе сборника лежат научные доклады, подготовленные для VII Конгресса этнографов и антропологов России (г. Саранск, 2007 г.). Автор отмечает, что использование термина “антропология” в названии сборника предполагает «изучение конкретного способа существования “академического” человека, человека академического образа жизни, а также совокупности ритуалов и повседневных практик, сформированных сообществом “академических” людей, т.е. академическим сообществом, и используемых ими в сфере академической жизни» (с. 5). Ученый, который упивался властью изучать других, наконец-то сам стал объектом научного, этнографического или антропологического, анализа и может на своей шкуре почувствовать, что значит быть под прицелом чужого (собственного?), очень внимательного взгляда.

Нельзя сказать, что такая саморефлексия – что-то совершенно новое в научной жизни. Ученые всегда испытывали потребность размышлять о своей профессии, о себе как исследователях, о своих отношениях с объектами, которые приходится изучать, тем более если это люди. Однако эта саморефлексия вытеснялась в сноски, во введения или заключения, пряталась в скобки или же получала права в жанре воспоминаний. В российской науке, которая поднимала “на гора” кубометры “объективного” знания, у саморефлексии не было своего легального статуса, она считалась чем-то субъективным, посторонним, чем-то, что может только помешать познанию, поставить под сомнение “профессиональный суверенитет исследователя”. Впрочем, иногда стыдливое отношение к “полю” объяснялось нежеланием выносить наружу, показывать порой очень сомнительную изнанку повседневного исследования, подрывать этим авторитет полученных результатов, закрепленных потом в высоком социальном статусе самих ученых.

Пусть читатель сам судит, нужно ли менять эту традицию. Г.А. Комарова предлагает ее поменять, ссылаясь, в частности, на западную антропологию и социологию, где исследование того, как происходит исследование, довольно давно превратилось не просто в популярное на-

Сергей Николаевич Абашин – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: s-abashin@mail.ru